

Раньше, когда я встречала красиво одетую женщину, немного ей завидовала. Теперь только сочувствую. Господи, думаю, глядя вслед, сколько же сил и нервов пришлось ей затратить, чтобы все, что на ней надето, выстоять в очередях, достать, да порой еще и с переплатой... Ну почему, скажите на милость, невозможно за свои же деньги, не унижаясь перед спекулянтами, не теряя драгоценного времени на поиски, ни перед кем не заискивая, купить в наших магазинах хорошие вещи!

С. ЯКУШИНА,
медсестра.

ТАМБОВ.

Подобные письма в редакционной почте редки. То ли все уже свыклись с нашей рутинной, то ли считают неловким опять привлекать к этому внимание: кругом еще столько других проблем, в том числе и женских... Но прислушайтесь к разговорам — на работе ли, на улицах — чем женщины озабочены? «Нигде не могу купить пальто». «Что пальто! Ерунду, колготки и те не отыщешь». Значит, это волнует их не меньше (если не больше), чем вредные условия на производстве. Женщина хочет быть привлекательной... Так почему же ей так трудно красиво одеться?

На эту тему наш корреспондент О. Парфенова беседует с ведущим модельером страны В. ЗАЙЦЕВЫМ.

— Вячеслав Михайлович, есть такая непритязательная поговорка: человеческая личность состоит из души, тела и платья... Но последнее словно бы и не рассматривается в нашем обществе всерьез.

— Это и есть ответ на вопрос: почему трудно красиво одеться? В обществе десятилетиями культивировалось пренебрежительное отношение — даже не к моде, она сиюминутна, — к культуре одежды. У этого явления есть исторические корни. Да, сказались и бедность, и разруха, и война. На нельзя скидывать со счетов и другое. Шел длительный процесс унифицирования, обезличивания личности. Нас приучали не только думать, как все, но и одеваться, как все. Стремление выделиться в одежде рассматривалось если не как инакомыслие (хотя были и такие времена), то в лучшем случае как «безыдейность». Вспомним борьбу с «мещанством» в виде фильдеперсовых чулок или со «стилягами» в «дудочках»... И в конце концов в обществе атрофировалось само понятие — красиво одеваться.

Сам я из Иванова — «города невест», как поется в известной песенке. Вырос в окружении ткацких фабрик, где работают преимущественно женщины. Помню, как они идут с работы — усталые, озабоченные, и одежда на них унылая, безрадостная. На иную посмотришь — в пятьдесят лет старуха. А разве такой ей полагается быть в эти годы? Ведь это возраст элегантности, вторая молодость, когда дети уже выросли, можно больше времени уделять своей внешности, являя внукам образец для подражания. Я, может, потому и выбрал профессию модельера, чтобы мои милые землячки могли выглядеть, как на глянцевого журнальных картинках...

Считаю, что отношение общества к моде, к одежде — это показатель его отношения в первую очередь к женщине. Мы все в неоплатном долгу перед ней. Историческая и экономическая роль женщины в нашей стране

настолько велика, что можно сказать: она выстрадала право быть красивой. Вернуть женщине женское — вот наша святая задача. Кстати, этот вопрос обсуждался в Иванове, когда там проходили Дни «Труда».

Женщина на работе и дома

КАК ЖЕ СТАТЬ КРАСИВОЙ?

— Как, на ваш взгляд профессионала, должна одеваться современная женщина?

— Предупреждаю: я буду говорить не о моде — о стиле. Мода — это нечто вроде «настройки» в культуре одежды, которая в данном случае выступает как «базис». У нас культуры одежды нет, ее надо создавать, воспитывать. Эту цель я поставил перед собой, когда мне предложили закончить строительство «замороженного» московского Дома моды и стать его художественным руководителем. По сути, это ателье нового содержания, где создается одежда для деловой женщины, которая, общаясь с людьми, должна думать о своем внешнем виде — это ее визитная карточка. Больше всего ей подойдет классический стиль: разнообразные пиджаки, юбки, блузки, брюки... В предложенных нами моделях нет ни чопорности, ни модного «надрыва» — они помогают женщине быть собранной, подтянутой. Напрасно кто-то недооценивает значение одежды, от нее во многом зависит — особенно для женщины — настроение, самочувствие, работоспособность. Как же можно этим пренебрегать? Эстетически совершенная одежда воспитывает, как бы приподнимает человека.

— В таком случае отсутствие ее, так называемый дефицит, тоже не проходит бесследно для воспитания? Я недавно побывала на стихийной толкучке возле универсама «Северянин». Там идет нелегальный торговля: юбка — 220 рублей, сапоги — 400... «Привозные», — объясняют непомерную цену продавцы-самозванцы. Но в магазинах своих-то нет...

— Дефицит породил массу негативных явлений: спекуляция, очереди... Лично мне он попросту мешает работать. Крепкие нитки, пуговицы, прикладные материалы везем из-за границы или просим, чтобы прислали с оклазкой. Это же позор! Не говоря уж о большем — к примеру, я шесть лет выпрашиваю у глав-

ка, Минбюта РСФСР устройство для плиссировки, для обтяжки пуговиц, поясов... Почему-то там, за рубежом, когда мне предлагают сотрудничество по контракту, заинтересованы создать все условия, выполнить любое желание для блага производства, а у нас — нет. Вот вам и «все — для человека»...

Но мы, кажется, опять вернулись к той же причине отсутствия хорошей одежды — всеобщей незаинтересованности в ее производстве. Кстати, когда я демонстрировал в Мюнхене, Париже, Нью-Йорке новую коллекцию, местные газеты броско писали в заголовках: «Красный Диор». Лестно, конечно, но я

про себя усмехался: «Да если Диора поставить в наши условия, кто бы его имя-то знал?!» То, что в результате тотального дефицита, диктата бюрократии страдает дело, — для меня самое оскорбительное.

— Вячеслав Михайлович, у нас с вами критика получается острой, но как бы безадресной. Ателье, даже такое большое, как ваш Дом моды, не в состоянии обслужить всех женщин в стране, да и, прямо скажем, не всем доступно. Индпошив, по-моему, это вообще что-то вроде заплаты на прорехах, осталяемых в изобилии легкой промышленности. А что же министерства, обувальные и одевающие основную массу населения?..

— Ну за них мне трудно отвечать. К тому же непосредственным производителям, создавая, в чем-то и сочувствую. У нас с ними общая беда — слабая сырьевая база. Я за тринадцать лет работы в Общесоюзном Доме моделей так ни разу и не увидел в магазинах свою модель, воплощенную в первородном виде. Как-то в продаже появились серые пальто с зелеными искусственными воротниками. К ужасу, узнал свое детище. «Слава», — жалобно говорит мне директор «Салюта», — не ругайся, у меня только это было». Потому я и ушел из официальной моды в сферу бытового обслуживания, что надоело создавать показушные коллекции, далекие от жизни, которые никогда не попадут к покупателям. Это искусство ради искус-

ства, которое тешит самолюбие, — и только.

— Но все же... Считайте, что вам предложили участвовать в популярной газетной рубрике «Если бы я был директором...» Видите ли вы выход из создавшегося положения?

— Если бы я руководил легкой промышленностью, то в корне поменял бы систему планирования и воспроизводства одежды. Я бы насытил рынок разнообразными предметами первой необходимости: блузками, юбками, пуловерами... Ведь обратите внимание, женщины приспособили и носят импортные мужские сорочки — значит, им по вкусу такой стиль. Почему же не пойти им навстречу, выпустив столь же качественные специально для них? Или нужных цветов сумки, чулки...

Нам сегодня надо заниматься не столько модой, сколько проблемой ассортимента. Приватизация наших магазинов, вопреки общепринятому утверждению, не пуста. Они завалены массой безвкусных товаров, из которых при всем желании даже не слишком требовательная женщина не составит себе гардероб. Почему? У нас легкой промышленности навязывают вкус представительницы торговых баз и магазинов: они якобы знают, что покупателю нужно. Художникам тут никто слова не дает. Мода у нас вообще не считается искусством.

А выход? Болгария, например, в начале восьмидесятых годов тоже испытывала товарный голод. Тогдашний министр легкой промышленности направил группу специалистов в другие страны: Италию, Францию — для изучения культуры производства. Потом художники Центра моды заключили договоры с предприятиями, где под их контролем внедрялись коллекции. То есть производство одежды, обуви и других предметов туалета доверили художникам. И положение постепенно меняется.

— Чем могут помочь в данной ситуации кооперативы, чьи товары заполнили сейчас не только подземные переходы, но и киоски «Союзпечати»?

— Я верю в кооперативы, у них есть будущее. Правда, то, что они пока продают в переходах, — засилье безвкусицы. Этим они только дискредитируют свое движение. Но к нам сейчас приходят и кооператоры, которые предлагают делать по нашим эскизам сумки, пояса, фурнитуру, бижутерию. Приносят порой и свои неплохие эскизы. К тому же многие сумели приобрести хорошее оборудование. Так что какую-то брешь они в состоянии заполнить.

Но, конечно, чтобы наша женщина была одета, как пушкинская Татьяна, «по моде и к лицу», — предложенных мер мало. Главное слово остается за легкой промышленностью, где давно уже назрела, по-моему, своего рода революция.

...Наш разговор с Вячеславом Михайловичем еще не закончился, когда подошла женщина — лет шестидесяти, со старомодным колечком косы на голове. Стоя в отдалении, терпеливо ждала, когда Зайцев обратит на нее внимание. Поправляла бантик на блузке, трогала лацкан элегантного пиджака... Наконец, мой собеседник ее заметил и одобчительно кивнул: «Совсем другое дело...» Она, как мне показалось, сразу помолодев, поблагодарила: «Спасибо, Вячеслав Михайлович». «Прямо как доктору», — не сдержалась я.

Хотя — чему удивляться? Что может быть естественнее для женщины, чем стремление быть красивой... Только пока это ей с трудом и не всегда удается.